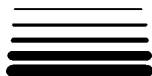
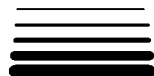

ОБРАЗОВАНИЕ И ОБЩЕСТВО

Аспекты этики

АНГАЖИРОВАННОСТЬ ЭТИКОЙ

П.А. САФРОНОВ

В умах большей части образованных людей, особенно тех, кто занимается общественными науками, присутствует дихотомия, которая мне представляется совершенно губительной: раскол между *scholarship* и *commitment*, между теми, кто посвящает себя научной работе, используя научные методы и адресуя свои труды другим ученым, и теми, кто вступает в бой, вынося свои знания за пределы научного сообщества. Это противопоставление — искусственное. На самом деле нужно быть независимым ученым, который работает по правилам *scholarship*, для того, чтобы производить ангажированное, легитимно ангажированное знание, и вводить это знание в бой. Такое знание рождается только в ходе работы, подчиненной правилам научного сообщества¹.

Это высказывание П. Бурдье дает очень эффективный инструмент для понимания процессов, происходящих в российской академической среде. Исследование/преподавание и общественный активизм могут существовать только вместе, взаимно развиваясь и совершенствуясь. В российских вузах есть талантливые исследователи и есть общественные активисты. Однако они, как правило, отделены друг от друга стеной недоверия. Нужно признать и осознать эту разобщенность, что отнести к ней как к стимулирующему поиск новых форм обстоятельству. Нужно создавать социальные практики, в которых будут самоопределяться ученые-профессионалы. Инкубатором или полигоном таких практик может стать место, где формирование профессиональных компетенций происходит во взаимодействии представителей разных специальностей. И где это взаимодействие нуждается в специальных «правилах перевода». Таким местом, на мой взгляд, является университет. Однако университет сам по себе в настоящий момент отягощен в высшей степени дробной системой дисциплинарных разграничений.

В условиях гигантской специализации научного знания необходимо оставить какое-то «окно» связи с внешним миром, включая сюда и представителей других наук. Могут возразить: такое окно уже существует и оно называется научная этика. Но должны ли удовлетворять требованиям научной этики представители факультета искусств или бизнес-школы? Очевидно, здесь необходимо какое-то более широкое объединяющее основание, в качестве которого и может выступить уже не этика науки, академическая этика. Эта последняя является, с одной стороны, ответом на запрос в прагматической консолидации академического сообщества перед лицом бурно изменяющейся структуры профессий и компетенций и, с другой стороны, способом «внутренней» кристаллизации корпоративного сознания в условиях окончательного распада классической модели университета. Советское высшее образование фактически представляло собой небывалый заповедник гумбольдтовских идей, хотя и искореженных при этом полным отсутствием автономии образовательных учреждений. Много в структуре университетов, в практике системы формирования научных кадров практически копировало дореволюционный опыт². Поэтому только сейчас в отечественной практике становится реальностью то, что, например, в США уже давно приобрело черты «этического бума»³. Соответственно, помимо прочего, деятельность в области академической этики следует воспринимать и как способ коррекции институтов образовательной системы в условиях Болонского процесса. Размышлять об образовании сегодня невозможно, не вводя в процесс размышления этическое измерение. Философия образования должна быть ангажирована этикой.

Как бы ни относиться к происходящим изменениям, совершенно очевидно, что они значительно увеличивают самостоятельность и влияние студентов на процессы, происходящие внутри академического сообщества. Но своеобразие их статуса заключается в том, что они являются одновременно и членами сообщества, и потребителями тех услуг, которые это сообщество предлагает⁴. Соответственно, к ним невозможно напрямую применить действие тех или иных стандартов рациональности, которые могли бы восприниматься как внутреннее ядро научно-исследовательской деятельности. Напротив, академическая этика принципиально строится как совокупность открытых публичных практик оптимизации образовательного процесса.

Занятия академической этикой являются в российских условиях одной из форм реализации активистской позиции. Обще-

ственный активизм профессионала проявляется прежде всего в установке на продуктивную критику действующих оснований и условий воспроизводства интеллектуального сообщества, которое сможет претендовать на широкое общественное признание, только если оно сможет стать действительно актуальным для самого себя. Мерой этой «самоактуальности» является вовлеченность членов сообщества в создание возможно большего числа кружков, исследовательских групп, семинаров, занятых разработкой конкретных проектов, имеющих прикладное значение.

Изменения в жизни сообщества, таким образом, будут результатом обратного влияния деятельности этих центров активности на общий дискурсивный ландшафт. Успешность профессиональной деятельности в социальных науках определяется способностью сделать индивидуальные исследовательские достижения интересными другим людям, имеющими максимально широкий резонанс. Следствием такого резонанса в пределе должно становиться артикулирование научных результатов в новых социальных практиках. В академической этике «зазор» между исследованием и применением минимален. Исследование при этом принимает форму учреждения и обоснования определенного числа принципов прагматической консолидации активной части академического сообщества. К числу этих принципов можно отнести следующее:

Принцип коллегиальности: все важные решения должны приниматься сторонами образовательного процесса совместно, по возможности с привлечением незаинтересованных третьих лиц, обладающих соответствующей компетенцией;

Принцип доверия: все стороны образовательного процесса разделяют в отношении друг друга убеждение в высоком чувстве ответственности за результаты профессиональной и учебной деятельности до тех пор, пока убедительно не доказано обратное.

Принцип необходимых ограничений: каждая сторона образовательного процесса при некоторых обстоятельствах вправе требовать от другой стороны безусловного выполнения определенных правил или процедур, ограничивая тем самым свободу другой стороны;

Принцип доказанной целесообразности: каждая сторона образовательного процесса вправе обоснованно сомневаться в необходимости осуществления тех или иных действий для достижения конечной цели образовательного процесса, требовать и получать развернутое доказательство наличия такой необходимости;

Принцип адекватности: каждая сторона образовательного процесса вправе получать от другой стороны информацию и претер-

певать воздействие в объеме, адекватном запросам, потребностям и способностям первой стороны.

«Простота»⁵ этих принципов в соединении с мерой сопротивления, которую они вызывают, является лучшим доказательством специфического состояния российской академической среды. Именно среды, поскольку это всего лишь более или менее аморфная масса работников умственного труда. В основе разговора об академическом сообществе в России лежит неустранимое подозрение по поводу его возможности. Причиной этого выступает недоопределенность сообщества в повседневной организации научно-образовательной деятельности, неовплощенность ее в наборе совместно разделяемых техник и правил поведения. Существование академического сообщества продолжает быть возвышенной иллюзией или недостижимым образцом, вместо того чтобы стать системой практик. Характерным признаком элементов академической среды является маниакальная подозрительность в отношении любых вариантов практического преобразования сложившейся ситуации.

Академическая среда России представляет собой очаг сопротивления модернизационным процессам, причем сопротивления парадоксальным образом организованного в риторике модерна. Дело обстоит таким образом, что декларация подозрительности в отношении одной части академической среды становится пропуском на попадание в другую ее часть. В результате вместо содержательной полемики представителей различных групп мы имеем бесконечный ритуальный танец, представляющий собой одну и ту же фигуру подозрения. В такой ситуации любая отдельная инициатива почти не имеет шансов на спокойное, взвешенное обсуждение: она непременно будет осмеяна и отвергнута, ее обязательно будут третировать как скрытое властное притязание. Академическая среда, таким образом, оказывается не в состоянии инициировать и осуществлять академическую политику.

Состоится ли академическое сообщество в России, зависит от того, удастся ли преодолеть господство логики подозрения. Для этого не нужно задавать заведомо обреченные на неудачу вопросы о том, что такое сообщество, что такое «академия». Нужно создавать, развивать и стимулировать практики, в которых будут самоопределяться ученые-профессионалы. Созданию таких практик, на мой взгляд, способствует углубленная рефлексия относительно проблем академической этики. Нужно создавать совместность прежде разговора о «концептуальной» платформе, на которой она

основывается⁶. Воля к совместности, проявленная в общественном активизме внутри и вне научно-образовательного пространства, должна рассматриваться как главная составляющая профессионализма. Следует прекратить возведение ироничной отстраненности в ранг основополагающей рефлексивной добродетели.

Общественный активизм профессионального интеллектуала проявляется прежде всего в установке на продуктивную критику действующих оснований и условий воспроизводства как отечественной академической среды в целом, так и отдельных научно-исследовательских и образовательных институций. Академическое сообщество сможет претендовать на широкое общественное признание в таком качестве, только если оно сможет стать действительно актуальным для самого себя. Мерой этой «самоактуальности» является готовность членов корпорации совместно обсуждать болевые точки сложившейся ситуации. К числу таких болевых точек относятся, в частности, неразличение научно-образовательной и просветительской деятельности, замкнутый внутри самих корпораций процесс кадрового обновления, совмещение научной и административной карьеры. Эта деятельность должна быть ориентирована на создание возможно большего числа кружков, исследовательских групп, семинаров, занятых разработкой конкретных проектов, предполагающих практическое применение. Изменения в жизни научно-образовательных кадров, таким образом, будут результатом обратного влияния деятельности этих центров активности на общий академический ландшафт.

Успешность профессиональной интеллектуальной деятельности определяется способностью сделать особенности и результаты индивидуального мышления значимыми для других людей, имеющими максимально широкий резонанс. Следствием такого резонанса в пределе должно становиться его артикулирование в новых социальных практиках. Интеллектуальная деятельность никак не может оставаться в границах чистой теории. Ближайшим полем ее реализации, естественно, должно становиться академическое сообщество, являющееся питательной средой интеллектуалов. Героические робинзонады духа, экзистенциальные драмы познания, аскетическое одиночество душевной жизни пора отправить на свалку истории.

Главной целью сообщества должно быть оно само. Вопрос заключается не в том, каким именно должно быть сообщество, а в том, почему только стремление к существованию в виде сообщества может считаться нормой для научно-образовательной

корпорации. Мой ответ заключается в том, что только установка на сообщество способна обеспечить удержание постоянно высокого уровня активизма, имеющего практическую отдачу. Иными словами, если сообщество функционирует, то оно уже достигло некоторой интуитивной ясности в отношении своего функционирования. Работающее академическое сообщество — это своего рода моральная машина⁷.

Понятие машины интересует меня в двух аспектах. Во-первых, функционирование машины построено на упразднении иерархического соотношения входящих в нее элементов. То есть, например, нельзя сказать, что в легковом автомобиле руль более важен, чем двигатель. Детали машины соотнесены или, точнее говоря, скоординированы таким образом, чтобы каждый отдельный элемент конструкции обладал своеобразной функциональной уникальностью. Это позволяет менять детали машины, но не позволяет произвольно менять набор выполняемых ею функций. Во-вторых, фиксация работоспособности каждого элемента в машине производится по его действиям. Частью машины в смысле детали может, видимо, считаться только то, что участвует в выполнении рабочей функции. Элемент машины не может быть тотально непроеизводителен. Во всяком случае, это не может быть его нормальным состоянием.

Указанные черты могут быть перенесены с анализа техники на анализ социального устройства. Сама по себе идея применения понятия о машине к области межчеловеческих отношений не является, как известно, новой. Здесь не место входить в разбор истории вопроса, хотя в последнее время наблюдается заметное оживление интереса к этой теме. На мой взгляд, метафора машины позволяет зафиксировать две важные характеристики определенного типа социального взаимодействия. Того типа социального взаимодействия, который можно назвать взаимодействием в сообществе.

Мой тезис заключается в том, что каждое сообщество может рассматриваться в качестве моральной машины или серии моральных машин со своим режимом функционирования. Моральность машины означает в этом контексте, что упразднение внутренних иерархий и определение производительности осуществляется изнутри машины, посредством ее элементов. Машина через конфигурирование элементов определяет, что и как она будет делать. Очевидно, что речь о свободе элементов внутри машины не идет. Однако они свободны в смысле «изолированности» от внешнего

воздействия. Моральная машина радикально неуправляема в том смысле, что ее функционирование не поддается внешнему инициированию. Моральная машина не может быть принуждена к действию извне.

Запуск моральной машины, соответственно, представим как достижение всеми ее элементами приемлемого уровня соотнесенности, сопровождающееся затуханием спонтанных флуктуаций. «Разогрев» моральной машины заключается в выработке оптимальных способов взаимодействия между элементами. Иначе говоря, инициальная фаза функционирования моральной машины заключается в налаживании каналов коммуникации между ее элементами и завершается после того, как это происходит. Причем существенным является возможность отсутствия каких бы то ни было предварительных ограничений на коммуникацию. Желательным является достижение максимальной коммуникативной доступности каждого элемента. Более того, степень коммуникативной доступности может превращаться в интегральный показатель эффективности производительных усилий того или иного члена сообщества. Каждый элемент моральной машины должен нечто со-общать. Упорядоченные последовательности коммуникативных актов формируют «личностные профили» элементов, определяющие характер их (само)репрезентации. Подобно деталям технического устройства, элементы социальной машины, вообще говоря, «неподвижны», т.е. не могут менять свое местоположение и способ функционирования за пределами заданных рамок.

Движение моральной машины осуществляется не столько за счет мобильности элементов, сколько за счет возникновения перекрестных связей между как можно большим их (элементов) числом. Элементы как бы компенсируют свою неподвижность активной вовлеченностью во все, что происходит в зоне доступа, выступая в качестве посредников при передаче возможно большего числа сообщений. Моральная машина мобильна за счет иммобилизации элементов, достигаемой посредством растущего богатства и сложности их коммуникативных стратегий. Попадая в моральную машину, вы не всегда знаете, чего ожидать от каждого ее элемента именно потому, что не обладаете сопоставимым по точности знанием внутренних коммуникативных стратегий. Благодаря этому элементы моральной машины могут обладать значительной индивидуальностью для внешнего наблюдателя. «Индивидуальный» коммуникативный репертуар формирует субъективность членов сообщества при их включении в более ши-

рокую окружающую среду. Внутри самой машины аналогом субъективности является коммуникативная релевантность. Элементы становятся полезными элементами целого постольку, поскольку принимают коллективно выработанные правила со-общения. Принятие правил подчиняет индивидуальное коммуникативное своеобразие необходимому минимуму ограничений.

Средством фиксации таких правил могут служить нормативные «кодексы», «положения» или «своды» (широко трактуя здесь эти понятия), выступающие одновременно как инструкции по использованию моральной машины для внешнего пользователя. Моральная машина, следовательно, является принципиально прозрачной, но вместе с тем обладающей достаточно определенными границами, которые эксплицитно задаются тем или иным действующим в ней кодексом. Машина претендует на присвоение субъективности своих элементов, поскольку они претендуют на подключение к общим коммуникативным ресурсам. Элементы могут пользоваться своей субъективностью постольку, поскольку соглашаются следовать общим правилам. Иммобилизация элемента внутри регулятивной структуры моральной машины выступает как гарант его неприкосновенности. Следующий правилам элемент не может быть произвольным образом изъят из машины.

Все это, разумеется, не означает совершенства любой данной машины. Сообщество может терять способность настраиваться на потребности своих членов и приобретать репрессивный характер. Собственно, в горизонте функционирования моральной машины любая неожиданность уже является репрессией. Поломка машины означает ситуацию, когда она оказывается не в состоянии предложить возможно большему числу ее элементов оптимальный единый контур взаимодействия. Неверным путем здесь было бы изобретение своих, «особых» правил для отдельных узлов внутри машины. Такая регулятивная специализация в действительности ведет к фрагментации сообщества, распаду механизма моральной машины. Еще более опасным кажется полный отказ от фиксации правил, поскольку в таком случае машина лишается фильтров, обеспечивающих отсеивание посторонних. Эффективно функционирующая моральная машина не может быть слишком велика, поэтому такой отсев является необходимым условием возможности ее деятельности.

Машина должна постоянно вырабатывать, воспроизводить и поддерживать общие для всех элементов правила, которые обеспечивают онтологический синтез сообщества. Напряженность регулятивной деятельности является показателем жизнеспособности

машины. Моральная машина существует постольку, поскольку она производит правила. Элементы моральной машины существуют постольку, поскольку подчиняются правилам. Важно подчеркнуть, что сами правила имеют при этом этически нейтральный статус, не являясь «хорошими» или «плохими», «добрыми» или «злыми», «правильными» или «неправильными». Критериальным является их существование, выраженность в явной форме и знание об их содержании участников сообщества. Соучастие в деятельности сообщества достигается за счет предельной нейтральности правил как инструментов регулирования коммуникации. Моральная машина, которая уже запущена, не обсуждает свои правила. С другой стороны, чтобы запустить моральную машину/создать сообщество, необходимо пройти фазу обсуждения правил.

Но запущена ли эта моральная машина у нас в России? Нет, она не запущена. У нас не создано академическое сообщество. Но мы можем его сделать. Как именно превратить российскую академическую среду в сообщество? Я полагаю, что это возможно. Превращение в сообщество не означает подгонки под заранее известный идеал. Речь идет о развитии таких практик, которые могут приостановить углубляющийся кризис современной академической среды. К сожалению, способность среды к самоорганизации настолько низка, что обойтись полностью без административного участия на первом этапе не представляется возможным. Здесь есть три направления работы: в области академического производства, в области академической коммуникации, в области академической этики.

В области академического производства желательно внедрить анонимное рецензирование всех квалификационных работ, ограничить деятельность ВАКа надзорными функциями, либо вообще ликвидировать ВАК и перенести научно-аттестационную деятельность непосредственно в вузы и исследовательские институты, установить стимулирующие выплаты студентам и преподавателям за научные публикации (в зависимости от издания), ввести в учебные планы обязательный курс по редакционно-издательской подготовке работ. В области академической коммуникации: расширить представительство студентов в учебно-методических комиссиях и ученых советах, организовать регулярные межкафедральные и межкафедретские методологические семинары, поощрять все формы внутренней и внешней академической мобильности, в том числе за счет скорейшего введения разделения бакалавриата и магистратуры. В области академической этики: форсировать разработку и принятие вузовских кодексов профессиональной этики,

оформить институты публичного порицания в академической среде, использовать независимых экспертов, в том числе иностранных, для оценки процессов, происходящих в академии.

Автор настоящего текста, будучи членом исследовательской группы «Этический поворот», созданной на философском факультете МГУ имени М. В. Ломоносова, хотел бы чуть подробнее сказать о работе по созданию кодекса профессиональной этики⁸. В качестве примера такой работы можно указать на проект этического кодекса философского факультета, активное обсуждение которого инициировано упомянутой выше исследовательской группой. Обсуждение кодекса способно оказать стимулирующее воздействие на определение тех принципов, которые могли бы противодействовать дальнейшей эскалации контрпродуктивной логики обоюдного недоверия. К сожалению, в имеющемся на данный момент варианте текста это не удалось прописать с достаточной степенью ясности. Очевидно, это во многом объясняется тем, что академическая среда в целом не обладает единым пониманием стандартов профессионализма. Возможно, такие стандарты и не могут быть выработаны в завершенном виде, однако готовность к их обсуждению является, как мне кажется, важным показателем качества интеллектуальной среды.

Осмысление этики как составляющей именно профессиональной деятельности выступает как органичная часть самоопределения интеллектуала, причастного к научно-образовательному сообществу. Активный интерес к проблемам этики должен быть важной составной частью стратегий позиционирования академического интеллектуала. Первым шагом продуктивного обсуждения такой темы является, на мой взгляд, продумывание различия трех связанных между собой, однако достаточно автономных социокультурных статусов, представители которых легко обнаруживаются в российской интеллектуальной среде: интеллигента, интеллектуала, эксперта-аналитика. Промежуточное положение интеллектуала означает в данном случае, что интеллигент и эксперт-аналитик являются его крайними, вырожденными примерами.

Существование интеллигента построено на радикальной неконвертируемости его статуса в знаки социального признания. Даже если эти последние имеют место, они воспринимаются как необязательное приложение к внутреннему «стержню», «самоуважению», «достоинству личности». Интеллигент в принципе не может/не хочет работать *профессионально*. Статус интеллигента предполагает наличие достаточно жесткого каркаса предпочтений и жизненных стратегий, сама замкнутость которого воспринимается

в качестве значимой этической характеристики. Каждое социальное взаимодействие интеллигента строится по типу исключения всего того, что не соответствует имплицитному представлению о мере допустимого, «удобного», «приличного». Любое отклонение от этих пределов воспринимается интеллигентом преувеличенно трагически и тревожно. Интеллигент, по своей сути, является паникером. Поскольку в этический «кодекс» интеллигента включено отстраненное отношение к борьбе за признание и власть, его паника всегда носит деструктивный, истерический характер. В условиях советской власти, пренебрежительно относившейся к гражданам собственной страны, позиция интеллигента получила благодатную почву для укрепления и развития.

Противоположный по отношению к интеллигенту полюс занимает эксперт-аналитик (человек, профессионально занятый высокоинтеллектуальным трудом, связанным с материальным производством только опосредованно). Качество и стиль его деятельности целиком зависят от степени социального признания полученных результатов. Эксперт-аналитик, таким образом, всегда является конформистом. Он не только не заинтересован в этическом регулировании своей деятельности, но и готов воспринимать попытку такого регулирования как особую тактику административного подавления или символической конкуренции. В условиях демократического общества конформизм экспертов несколько маскируется многообразием центров сил и интересов, каждый из которых требует определенного, отличного от других профиля ангажированности, что создает видимость действительного, а не обусловленного полученным заказом, расхождения экспертных оценок. Поскольку существование любого экспертного сообщества, в отличие от Запада, было и остается возможно только в перспективе удовлетворения потребностей государства, которое выступало единственным «заказчиком» такой деятельности, любая критика в режиме актуальных возражений правительственной политике была для эксперта невозможна или просто опасна. Критика выполнялась и по сложившейся традиции до сих пор выполняется только в формате прогноза на *будущее*, корректирующего *прошлые* недостатки. Эксперты-аналитики в России принципиально не умеют и не хотят этически ответственно работать с настоящим, отдавая его на откуп интеллигенции, которая в свою очередь начисто лишена необходимой широты кругозора.

Фигуры интеллигента и эксперта объединяет подчеркнуто партикулярный, частный, ограниченный размах их действий.

Основным отличием интеллектуала и от интеллигента, и от эксперта-аналитика является ориентированность его мышления и деятельности не на самого себя и не на власть, а на сообщество себе подобных, объединенное едиными представлениями об этических стандартах профессиональной деятельности. Кроме того, интеллектуал сфокусирован на выстраивании новой позиции, определяющейся как целостная альтернатива имеющимся вариантам. Интеллектуалу не интересны разоблачение имеющейся системы (политической, образовательной, экономической) или ее менеджмент. Интеллектуал мыслит себя равноценным и равноположным системе, поэтому обращается к ней в целом, а не к отдельным людям, которые представляют эту систему. При этом новая позиция должна удовлетворять требованию эффективности, т.е. быть в состоянии решать накопившиеся проблемы. Профессиональная этика академического интеллектуала — это эффективный инструмент его самоопределения в научном и образовательном процессе.

То, что интеллектуал создает новое, отнюдь не закрывает для него возможности использовать старое. Более того, в пределе его деятельность предполагает выход за пределы оппозиции старое/новое и создание *другого*. Другого мыслительного поля, другой конфигурации отношений, другого типа системной организации. Именно это позволяет рассматривать интеллектуальную деятельность как творчество. Выявление этических проблем сообщества возможно посредством освоения уже имеющихся структур и связей. Интеллектуал всегда формируется внутри сложившейся, традиционной системы и никогда помимо нее. Осваивая наследие старой системы, интеллектуал избегает своего присвоения каким-либо кружком, кланом, «экспертным советом», «национальным институтом», «исследовательским проектом» и т.д. В российских условиях, где доступ к интеллектуальным ресурсам, как правило, обставлен местечковыми требованиями тех или иных закрытых корпораций и сообществ, это существенно осложняет дело. Интеллигенция и экспертно-аналитическое сообщество совместно блокируют (в том числе и через отказ от обсуждения проблем академической этики) создание в России полноценного интеллектуального класса. В современной России нет интеллектуалов. Так будет до тех пор, пока любая попытка сформулировать альтернативу, далекую от типологических трафаретов, будет оцениваться как «предательство», «нарушение взятых обязательств», «произвольность». В России настало время ангажированности этикой. Другого пути к созданию реального профессионального сообщества нет.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Бурдые П. За ангажированное знание // Неприкосновенный запас. 2002. № 5 (25).

² См., например: Иванов А.Е. Ученые степени в Российской империи XVIII в. – 1917 г. – М., 1994.

³ Davis M. Ethics and the University. – L., 1999. – P. 8.

⁴ См. об этом: Прокофьев А.В. Этический кодекс академического сообщества – параллельный опыт разработки. Режим доступа: <http://www.tsogu.ru/institutes/nii/folder.2006-12-18.7122125891/ATDocument.2008-12-30.1415/view>.

⁵ В веберовском смысле «простой интеллектуальной честности» (см.: Вебер М. Наука как призвание и профессия // Вебер М. Избранное. 2-е изд. – М., 2006. – С. 546).

⁶ О том, как это вообще может происходить см.: Лоран Тевен. Креативные конфигурации в гуманитарных науках и фигурации социальной общности // НЛЮ. 2006. № 77.

⁷ Термин «моральная машина» заимствован нами (см.: Allen C., Wallach W. Moral Machines Teaching Robots Right from Wrong. – Oxford, 2009), где он применяется для анализа проблем, связанных с развитием искусственного интеллекта. В настоящей статье он используется вне связи с проблемами ИИ, хотя и предполагает связь с вопросами «технологической организации» взаимодействия в постчеловеческой среде.

⁸ Текст итоговой версии кодекса профессиональной этики выложен здесь <http://www.censura.ru/articles/ffmsucode.htm>

Аннотация

В статье показывается, каким образом действия научной общественности могут или должны способствовать развитию академической этики в России. Этика как таковая рассматривается как способ расчистить путь развития академического сообщества от имеющихся на настоящий момент препятствий. Основным препятствием является слабая интеграция вызванная низким уровнем доверия к профессионализму значительного числа коллег. Академическая этика рассматривается как совокупность инструментов оценки профессионализма, использование которых будет содействовать установлению в научном сообществе атмосферы доверия.

Ключевые слова:

этика, сообщество, доверие, профессионализм, сотрудничество.

Summary

This article shows how we as scientists could or should be engaged in involving academic ethics in Russia. Ethics itself is considered to be a way of getting rid of those stumbling blocks, which prevent to re-construct academic community. The lack of integration is caused by low level of mutual trust for the professionalism of one own colleagues. Academic ethics can provide some means of evaluating professionalism and thus increase the level of trust in community.

Key words:

ethics, community, trust, professionalism, cooperation.